

Василий ВОРОН

ГОЛ ПАДЕНИЯ

12+

Василий Ворон

Угол падения

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Ворон В.

Угол падения / В. Ворон — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Коммунальная квартира советского времени. Ее обитатели далеко не всегда живут дружно. И даже не подозревают, что бок о бок с ними существует тот, кого они ошибочно принимают за другого.

*Человеком был он, и притом лишь бедной частью человека и моего Я:
из моего собственного праха и пламени явился он мне, этот призрак!
И поистине, не из потустороннего мира явился он мне!*

Ницше

Коммунальная квартира – это первобытные джунгли Амазонии, уплотненные до размеров нескольких десятков квадратных метров. И на этих метрах начинает соседствовать некоторое количество человеческих особей, захваченных этим невероятным уплотнением из каких-то диких племен, по одному и по паре человек от каждого. Коммунальная квартира – модель человеческой цивилизации. Когда-нибудь она исчезнет совсем, как и эта шумная и бестолковая цивилизация, унося с собой в ничто и тлен отголоски склок, очередь в туалет и смрад кухонного варева – невероятно вкусного и вредного в одинаковых чудовищных пропорциях.

Туалетная дверь – многослойный символ абсолютно разных чаяний и эмоций. Из коридора это всегда врата в нечто желанное и часто недоступное, как счастье. Этим счастьем нередко обладает кто-то другой, и по этому поводу эти врата вызывают двойное чувство вождения и ненависти – они причудливо сплетаются и существуют долгое (бесконечно долгое!) время как одно целое. И распадаются в миг, сопровождаемый щелчком отпираемого шпингалета и возгласом «Наконец-то!», в котором это одно целое и умирает, поднимаясь к давно небеленому потолку коридора.

С обратной стороны дверь туалета представляет собой целую карту (изученную до мельчайших подробностей), отображая долгое (или не очень) путешествие к совершенно определенной точке.

Кухня в этом плане всегда полна, скорее, точек отсчета, ну, или хотя бы многозначительными отточиями. Она заполнена не только разнообразными запахами, но и ожиданиями источники этих запахов присвоить.

А коридор... Коридор все эти точки и отточия, надежды и нетерпения соединяет. В нем одни чувства плавно перетекают в другие, порой прямо противоположные.

Коммунальная квартира состоит из самых главных своих составляющих – из стен, с помощью которых люди пытаются отделить «мое» от «ихнего» и неминуемо соединяющих всех этих людей, несмотря на их такие разные чаяния. Стена условно отделяет одну личность от другой, в то же время поддерживая общую крышу над буйными головами, жаждущими уединения.

Порой самое сокровенное уносится стремительным потоком скандалов в коридор и попирается мозолистыми ступнями соседей, обутыми в тапочки, или тонким мутным ручейком сплетен вытекает туда же, под беспощадное шарканье, наглый топот и подкрадывание на цыпочках, дабы стать общеизвестным и сообщая обсуждаемым.

Но что-то никогда не покидает стен комнат, оставаясь тайным не только для соседей, но и для самих хозяев; и живет там своей жизнью, чтобы когда-нибудь – когда ему самому вздумается – покинуть свое временное логово и вырваться на свободу чем-то, совершенно не поддающимся описанию, что ни сплетни натужным испуганным шепотом, ни что другое не способно передать это кому-то, кто не стал свидетелем данному чуду. Или катастрофе. И очень часто люди одно принимают за другое, потому что не способны разобраться в обоих этих явлениях в силу того, что они люди – всего лишь люди со своей глупой цивилизацией, беспомощной перед лицом этой неизвестности, принимающей порой самый безобидный и даже знакомый вид. Например, вид человека.

Нет, наша коммунальная квартира не была такой уж большой. Дружной она тоже не была, но и войн каких-то уж невиданных в ней, опять-таки не возникало. Все как у всех. По сути, обычная квартирка. Впрочем...

Актер Бабищев жил вместе с дочерью в комнате слева по коридору. Он был уже далеко не молод и самая значительная его роль в театре, где он играл всю жизнь, была Тень отца Гамлета. Этим фактом он был как снедаем, так и горд, мечтая сыграть самого принца Датского, но в итоге довольствуясь ролью его убиенного отца, имеющего всего один выход и очень небольшой текст. (К слову, и роль-то эта досталась ему из за того только, что актер, утвержденный на нее, ушел в глубокий запой и был выгнан из театра рассвирепевшим худсоветом). Горд Бабищев был оттого, что, как ни крути, ему довелось прикоснуться к классике, а томило его то, что прикосновение это вышло таким легким и непродолжительным, именно как тень. В театре роли ему давали второстепенные, откровенно проходные и все свое мастерство и нерастраченный талант приходилось ему выплескивать в повседневной жизни прямо на соседей по коммунальной квартире, где он жил.

Актер Бабищев иногда подходил ко мне, кроил из своего истомленного гримом лица маску одержимого отмщением принца Гамлета и негромко, но убедительно декламировал:

*Что благородней духом – покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть –
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, – как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть. – Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум, —
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны...*

Потом он подслеповато вглядывался в меня выцветшими от безжалостных театральных софитов больными глазами и спрашивал:

– Ну, как?

Я неизменно уверял его, что, мол, очень даже о-го-го. Он облегченно выпрямлялся, шумно втягивал воздух трепетавшими от возбуждения ноздрями и удовлетворенно кивал, соглашаясь. Чаще, правда, он устало глядел на меня и подолгу молчал. Я виновато и сконфуженно опускал плечи. Он все понимал. Карьера его не сложилась так, как ему мечталось в то далекое время, когда он только закончил свою захолустную театральную школу и перебрался сюда. В молодости мир представляется совсем другим и такое впечатление, что то, чем приходится заниматься сейчас, всего лишь репетиция, а премьера пройдет позднее и уж конечно, с грандиозным успехом.

И актер Бабищев ходил по коридору ссутулившись, и шаркая ногами, и с особым чувством играл только, когда в квартире появлялся кто-то чужой – почтальон или чьи-то редкие гости. Еще он всегда преображался в кого-то очень незнакомого ему самому, отвечая на звонки телефона, стоявшего в коридоре.

– Слушаю вас, – министерским голосом вещал он в трубку и продолжал в том же духе, даже если оказывалось, что звонили его знакомые коллеги-актеры. Событьишники же Корыто-вых, каждый раз новые, пугались, полагая, что ошиблись номером и бросали трубку. Бывшего сокурсника своей дочери Алёны, Камалая, он встречал так же, а именно как британский монарх послов из колоний.

– Папа, оставь свои мизансцены, – морщилась на это Алена. Она даже не помышляла о том, чтобы идти той же стезей, что и отец. Алена училась в институте Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы, но, даже будучи на третьем курсе, плохо себе представляла, на кого же она учится. Раз в месяц к ней домой навещался уроженец Африки Камаль, осевший в России сразу после того, как в Лумумбе завалил первую же сессию, уверенно подтвердившую, что к европейскому образованию он был неспособен полностью и навсегда. Все, что его интересовало, была гитара, которую он всюду таскал с собой. Когда он появился у нас впервые, то, увидев меня, рассыпчато улыбнулся великолепной контрастной улыбкой и, забряцав по струнам, загнул буквально следующее:

– Ка-ля, ка-ма-ля, ка-ма-ля, ка-ма-ля!..

В его исполнении это была доисторическая «Калинка-малинка», являвшаяся по совместительству его стандартным приветствием в незнакомом обществе, и потому все звали его Камаль, хотя далекие чернокожие родители нарекли его как-то иначе (как именно, не знал никто, включая Алену). К Алене он приходил ради ее пожертвования в виде нескольких кило картошки, благодаря которой Камаль выживал на чужбине в неизвестных и многочисленных своих общежитиях, которые менял постоянно. На родину его не тянуло, даже несмотря на суровый российский климат. Зимой он надевал на себя всю одежду, имевшуюся у него в наличие; летом – чуть меньше. Защитой своей курчавой головы он избрал морковного цвета вязаную шапочку с помпоном, носимую им все сезонно. На естественные вопросы он наивно и трогательно отвечал, что начинает мерзнуть уже при плюс двадцати, а потом ему уже все равно. Каким-то образом он умудрялся избегать нежелательных контактов с милицией, побираясь по многочисленным знакомым, которых успел завести за один единственный семестр, в течение которого он и появлялся в институте. И теперь благодаря этим знакомым Камаль бывал и сыт, и одет, и даже обласкан милосердными и любознательными белыми советскими женщинами (в число которых, надо заметить, пытливая, но гордая Алена не входила).

Камаль почти к каждому в нашей квартире относился одинаково – добродушно и легко, подкрепляя это отношение своей черно-белой улыбкой. Даже к жутким в своей простоте Корытовым. Только к Жельзону он относился совсем по-другому: он его боялся. Боялся физически и в момент его появления (которого всячески избегал) не мог даже улыбаться, хотя бы натужно-механически. Жельзон Камалю терпеть не мог, однако никогда, если уж они сталкивались в коридоре, не выказывал этой своей нетерпимости – он даже не шипел. Он его просто как бы не замечал. Но Камаль его все равно боялся до такой степени, что чернел еще гуще и готов был бежать немедленно, игнорируя обещанные Аленой клубни, и даже забывая о гитаре. Скоро он вообще перестал заходить, если Жельзон был дома (а дома он был почти постоянно).

Алена была равнодушна ко всему: к незамысловатому своему житью, к неприятной фамилии, институту и гитаре Камалю. Ко мне она относилась настороженно-пугливо, не игнорируя, но и не доверяя. Но продлилось это до той поры, пока где-то в сыром и гулком переходе на проспекте Мира ее не ухватила за рукав какая-то тетка и не предложила стать манекенщицей у какого-то отдаленно-узнаваемого Славы Зайцева. Сначала Алена буркнула тетке что-то грубое, приняв все это за дурацкую шутку, но та не отставала и просила «прийти попробовать». Слово «манекенщица» представилось Алене оскорбительным, и она пригрозила настырной тетке пожаловаться в милицию. Тетка упоминания милиции не испугалась и кое-как втолковала Алене, что ей предлагают идти не в проститутки, а в сравнительно молодую для Советского Союза профессию.

Круглому энергичному крепышу со смешным именем Слава Зайцев Алена понравилась, и институт стал ей после этого еще более неинтересен. Вслед за этим наши отношения тоже изменилось. Однажды она подошла ко мне, когда никого не было поблизости, и доверительно спросила:

– Слушай, как я тебе? Ничего?..

Я осторожно кивнул, что, мол, да, в самом деле, ничего. Ее глаза вспыхнули:

– Правда?!

– Очень даже ничего, – уже тверже заключил я.

После этого она смотрела на меня уже совсем другими глазами, и отправлялась к своему Зайцеву постигать премудрости нового и необычного дела, временами забывая о зачетах в Лумумбе.

Справа и дальше по коридору обитали мать с сыном – пьянчуги Корытовы, Гришка-Бульдозер и Дуся-Луноход. Гришка работал на каком-то заводе, принося оттуда тяжелый запах промасленного железа и сивушный выхлоп. Изредка он останавливался возле меня и, выглядывая из-под бровей, сипло бубнил:

– Архипов-то, кот, в р-р-р... с-с-с... и-эх его... А?

Он буравил меня черными мутными глазами (я благоразумно молчал), гнусно выдыхал:

– Зажилил, гад... – и громыхал по коридору к себе, унося неразборчивое ругательство.

Я был уверен, что, разговаривая со мной, он каждый раз видел кого-то другого.

Дуся целыми днями где-то шлялась и если забредала домой, то непременно начинала греметь всем, до чего дотрагивалась. Особенно невыносимым это становилось, когда она перебиралась в кухню. Повторяя подвиг булгаковской Аннушки, она разливала всюду масло, била посуду и скрежетала своими кастрюлями с отколотой эмалью. Делала она это не нарочно, а по причине какой-то врожденной неспособности что-либо сделать аккуратно. Рекордом, не превзойденным ею самой, была уроненная в кастрюлю с супом Жельзона связка подшипников, которую Гришка притащил зачем-то с работы, и эхо того жуткого скандала, казалось, еще металось в большом корыте, с незапамятных времен висевшем над мойкой и неизвестно кому принадлежавшему.

Мутный взгляд Дусиных пьяных глаз равнодушно, словно кусок мыла, уроненный на раскаленную сковороду, скользил по мне, равно как и по всем остальным обитателям коммуналки, сопровождаемый ее вечным бормотанием:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.